

DOI 10.15826/izv2.2024.26.1.004
УДК 94(100)“1914/19” + 94(470)“1914/1917” +
+ 355.51(470):338.245.8 + 303.442.2

Ю. А. Жердева
*Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
Самара, Россия*

ДЕМИЛИТАРИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ФРОНТА ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена проблеме демилитаризации Русского фронта после Первой мировой войны. Под демилитаризацией понимается комплекс процессов, связанных с физической трансформацией военного ландшафта и преодолением токсичного наследия войны: освобождение пространства от присутствия регулярных армий, военного имущества и военных сооружений, а также от влияния таких специфических практик войны, как интоксикация почвы, загрязнение воды, заболачивание лесов и полей, уничтожение лесных массивов. Цель исследования — выявить институты и механизмы демилитаризации и демобилизации русской армии в 1917–1918 гг. Теоретической рамкой работы являются экологическая история и постколониальные исследования, которые позволяют рассматривать демилитаризацию через призму взаимодействия с окружающей средой и понять ее особенности в бывших имперских границах. Основными источниками работы стали материалы российских военных архивов, позволяющие реконструировать механизмы демобилизации и практики демилитаризации Русского фронта. Автор приходит к выводу, что создание институтов демобилизации происходило в три этапа, с мая 1917 г. до мая 1918 г.: первые из них были созданы Ставкой в мае и дополнены в ноябре 1917 г., однако относительно «рабочие» институты демобилизации возникли в декабре и были связаны с большевистскими аппаратными преобразованиями. Если во время войны демилитаризация (очищение окопов и окружающего их пространства от последствий влияния удушливых газов, ассенизация, рекультивация почвы, сбор оружия с полей сражений) практиковалась как средство сохранения боеспособности армии, то хаотичная демобилизация заслонила эти экологические вопросы банальными проблемами транспортировки и сохранности военного имущества. Континуальный характер демилитаризации бывшего Русского фронта позволяет говорить о его ремилитаризации уже с лета 1918 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война; Русский фронт; демобилизация; ремилитаризация; окружающая среда; военное имущество; экологическая история

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 21-59-14003 «Великая война и антропоцен: токсичное наследие империй и трансформация окружающей среды в Центральной и Восточной Европе».

Ц и т и р о в а н и е: *Жердева Ю. А.* Демилитаризация пространства Русского фронта после окончания Первой мировой войны // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 26, № 1. С. 58–74. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.1.004>

Поступила в редакцию: 20.01.2023

Принята к печати: 18.01.2024

Yulia A. Zherdeva

*Samara National Research University
Samara, Russia*

DEMILITARIZATION OF THE RUSSIAN FRONT AFTER WORLD WAR I

This article examines the demilitarization of the Russian Front after World War I. Demilitarization is understood as complex processes associated with the physical transformation of the war landscape and overcoming the toxic legacy of war: freeing the space from the presence of regular armies, military property, and military installations, as well as from the impact of specific war practices such as soil intoxication, water pollution, waterlogging of forests and fields, and deforestation. The aim of this study is to examine the institutions and mechanisms of demilitarization and demobilization of the Russian army in 1917–1918. The theoretical framework of this study draws on environmental history and postcolonial studies that allow the author to consider demilitarization through the prism of interaction with the environment and to understand its features in the former imperial boundaries. The paper works with materials of the Russian military archives, which help reconstruct the mechanisms of demobilization and the practices of demilitarization of the Russian Front. The author concludes that demobilization institutions were created in three stages, from May 1917 to May 1918: the first ones were established by the Stavka in May and supplemented in November 1917, but relatively “functional” demobilization institutions emerged in December and were associated with the Bolshevik administrative transformations. Whereas during the war demilitarization (clearing trenches and their surroundings of the effects of suffocating gases, sanitation, soil reclamation, and collecting weapons from battlefields) was practiced to preserve the army’s fighting ability, chaotic demobilization obscured these environmental issues with trivial problems of transportation and preservation of military property. The continental nature of the demilitarization of the former Russian Front makes it possible to speak of its remilitarisation as early as the summer of 1918.

Key words: World War I; Russian Front; demobilization; remilitarisation; environment; military property; environmental history

Acknowledgements

The research was supported by the *Russian Foundation for Basic Research* grant 21-59-14003 “Great War and the Anthropocene: ‘Imperial Debris’ and Environmental Change in Central-Eastern Europe”.

For citation: Zherdeva, Yu. A. (2024). Demilitarizatsiia prostranstva Russkogo fronta posle okonchaniia Pervoï mirovoi voiny [Demilitarization of the Russian Front after World War I]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 26(1), 58–74. <https://doi.org/10.15826/izv2.2024.26.1.004>

Submitted: 20.01.2023

Accepted: 18.01.2024

Введение

В современной историографии прочно утвердилось понимание того, что Первая мировая война как глобальный конфликт определила судьбы населения Восточной Европы на многие десятилетия вперед [Ланник, с. 8]. Экологический разворот исторической науки позволяет сегодня говорить о том, что влияние войны на пространства Восточной Европы имело столь же длительные последствия [Keller, p. 3]. Именно поэтому изучение демилитаризации пространства Русского фронта после Первой мировой войны остается актуальным.

Возвращение общества, армий, территорий, втянутых в войну, в состояние мирного времени после окончания Первой мировой войны перестало быть механическим процессом расформирования военных частей, возвращения их к местам гарнизонной службы и консервации избытка вооружения. Первая мировая война трансформировала само понятие «демилитаризации», добавив к традиционному пониманию ее как «возрастания гражданского контроля над вооруженными силами, уменьшения военной угрозы, сокращения вооруженных сил и военных расходов» [The Law..., p. 327] два новых измерения: демилитаризацию сознания и демилитаризацию пространства. И то, и другое характеризуется длительностью, далеко выходящей за границы подписания мирных соглашений и роспуска армий. Протекание обоих процессов требует расширения привычных рамок разговора о «последствиях» войны.

В историографии Первой мировой войны демилитаризация трактуется внутри политического дискурса, через анализ переговорного процесса и соглашений, достигнутых в 1918 г. в Брест-Литовске и в 1919–1920 гг. на Парижской мирной конференции. Мы попытаемся внести в политический контекст пространственное видение, дополнив коммеморативный подход к пониманию военного ландшафта как «палимпсеста» [Saunders, p. 37], в котором соединена память о разных исторических слоях, подходом экологическим.

Под демилитаризацией военного ландшафта в статье понимается процесс освобождения пространства от физического воздействия тесно расположенных на узких участках фронта многочисленных военных частей, десятков и сотен тысяч людей с их каждодневными практиками взаимодействия с окружающей средой (от повседневности военного быта до захоронений), а также очищение пространства фронта от оружия, военного снаряжения, оборудования, военных укреплений и позиций, рекультивация почвы и, как результат, переозначивание военного ландшафта в мирный.

Такое понимание демилитаризации требует более пристального внимания к процессу демобилизации, т. е. перевода армии в состояние мирного времени, включая также демобилизацию военного имущества, — процесс, который на Русском фронте особенно интенсивно происходил зимой-весной 1918 г. Кроме того, перед исследователем демобилизации стоит вопрос о том, насколько долговременным оказалось возвращение гражданского контроля над бelligеративными ландшафтами на тех территориях, где уже весной-летом 1918 г. началась Гражданская война.

Методы

Методологической основой данного исследования являются экологическая история и постколониальные исследования, так как именно они позволяют рассматривать Первую мировую войну в контексте длительных трендов (*longue durée*) «взаимодействия человека с разными типами экосистем и природных ресурсов» [Нагорная, Голубинов, с. 6]. Исследования экологической истории войны сформировали понимание того, что военный ландшафт имеет свою специфику, которая отражает физическую природу пространства — трансформацию местности под нужды военного времени, и ментальную — изменение отношения к ней [Keller; Saunders; Horne]. Постколониальные исследования позволяют увидеть специфику процессов демилитаризации на окраинах распавшейся Российской империи [Санборн].

Экологический аспект позволит нам посмотреть на демобилизацию с позиции взаимодействия государственных институций, местного населения и военного контингента; проследить понимание ими последствий присутствия в окружающей среде военного имущества, остававшегося на бывшем театре военных действий после объявления перемирия или окончания войны. Деколонизация оказывается в поле нашего внимания вследствие того, что территория военных действий Восточного фронта практически полностью совпадала с территорией бывшей Речи Посполитой, соответственно демилитаризация этого пространства в новых политических реалиях 1917–1918 гг. оказывалась частью политического процесса становления независимых наций [Там же, с. 23]. Это ставит исследователя демобилизации Русского фронта перед необходимостью рассматривать процесс деколонизации западного фронта Российской империи и приводит к понятию *imperial debris* — токсичного наследия империй, ушедшего в палимпсестный слой военных ландшафтов [Saunders; Imperial Debris]. Именно присутствие этого наследия отягощало становление новых государств Восточной Европы и в то же время определило экологические практики межвоенного периода. В данной статье будет затронута только перспектива этих концептов и практик.

Источники

Основными источниками данного исследования являются архивные материалы — это документы Ставки Верховного главнокомандующего, инженерных

служб, демобилизационных комиссий воинских частей и другие фонды Российского государственного военно-исторического архива (ф. 2003, 2106, 2068, 2081 и др.), Российского государственного военного архива (ф. 47), а также Государственного архива Российской Федерации (ф. 5827). Они позволяют систематизировать сумбурный процесс демобилизации военного имущества русской армии в 1917–1918 гг. и одновременно обнажают хаотичность самой военно-инженерной организации Русского фронта, дублирование полномочий как военными, так и гражданскими организациями. «Целые объединения и организации делают параллельно одну и ту же работу... случайно, без координации между собой» [РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 69, л. 565]. Важным дополнением к архивным материалам являются источники личного происхождения, прежде всего, армейского руководства, военных инженеров, интендантов и медицинских работников, принимавших непосредственное участие в демобилизации армии и демилитаризации пространства.

Историография

В российском научном дискурсе проблематика демилитаризации фронта и демобилизации военного имущества не является центральной для историков Первой мировой войны. В советской историографии еще с 1920-х гг. появилась тенденция рассматривать демобилизацию царской армии как подготовительный этап в создании Красной армии [Потапов]. Советские историки рассматривали демобилизацию «старой» армии в контексте революционного процесса и формирования Красной армии, преимущественно на материалах наиболее «революционизированных» армий Северного и Западного фронтов [Городецкий, с. 231–241; Кляцкин; Смольянинов].

Современные отечественные исследователи также сосредоточились главным образом на демобилизации войск Западного и Северного фронтов [Базанов, с. 190–198, 203–217; Краснокутский], однако в последние годы появились работы, посвященные демобилизации Румынского фронта [Оськин]. Особого внимания заслуживает диссертация Л. В. Ланника, одним из сюжетов которой является проблема хранения и хищения военного имущества бывшей Российской императорской армии на территории бывших Северного, Западного и Юго-Западного фронтов в период Первой германской оккупации [Ланник]. Юго-Западный фронт привлек внимание Я. Тинченко, рассматривающего демобилизацию в рамках более широкого исследования вооруженных конфликтов на Украине в 1917–1920 гг. [Тинченко].

Некоторые стороны процесса демобилизации русской армии были рассмотрены в работах зарубежных исследователей: Бруно Кабанеса [Cabanès], Томаса Балкелиса [Balkelis] и Героида Барри [Barry], которые сосредоточены на особенностях Западного фронта. Отдельно отметим широкий спектр проблем эвакуации, взаимодействия с общественными и гражданскими организациями, который показал Джошуа Санборн [Санборн].

Война нового типа трансформировала восприятие окружающей среды, породив то, что немецкий психолог Курт Левин, сам прошедший войну, назвал «военным ландшафтом» (*Kriegslandschaft*). Автор характеризовал его как «направленный и ограниченный ландшафт», в противовес бесконечному ландшафту мирного времени, и связывал с ним чувство «ограниченности» и «опасности» [Левин, с. 90]. В 1917 г. Левин отмечал, что военный ландшафт осознается таковым не мгновенно, даже если боевые действия рядом уже идут, и не сразу перестает восприниматься «мирным» [Там же, с. 91]. Сегодня мы можем говорить об обратном процессе — демилитаризации ландшафта: это растянутый во времени процесс, который не происходит одновременно с объявлением перемирия или подписанием мирного договора. Протекание этого процесса на Русском фронте, в первую очередь, в юго-западной его части, является предметом данного исследования.

В первой части статьи будет рассмотрено понятие демилитаризации и его соотношение с понятием демобилизации, во второй части — дана характеристика институтов демобилизации, сложившихся в русской армии с весны 1917 г. до весны 1918 г., фокус третьей части сосредоточен на конкретных практиках демобилизации военного имущества и демилитаризации военного пространства, а также на континуальном характере этих процессов на Русском фронте.

Результаты

1. Демилитаризация и демобилизация: понятия и границы

Демобилизация сегодня не рассматривается как единовременный и централизованный процесс. Вместо этого в историографии используется понятие *the transition from war to peace* («переход от войны к миру») или *la sortie de guerre* («выход из войны»), которое Бруно Кабанес определяет как «медленную и хаотичную демобилизацию», многолетний процесс возвращения солдат с полей сражений и из плена, умиротворение воевавших государств и еще более медленный процесс демобилизации взглядов и настроений [Cabanès, p. 172, 173]. Кабанес отмечает также, что этот процесс протекал в несколько подходов, с периодами одновременной демобилизации и ремобилизации, мирных жестов и отказов от демобилизации.

Во многом эта нелинейность демобилизации была связана с тем, что окончание Первой мировой войны не стало окончанием вооруженных столкновений внутри и между ее участниками. Во многих странах после войны происходило реформатирование «культуры войны» в борьбу между контрреволюционерами и революционерами [Ibid., p. 193], получившее в германской историографии оформление в виде концепции «европейской гражданской войны» Э. Нольте [2003].

Одним из факторов воздействия войны на окружающую среду было длительное и одномоментное присутствие значительных скоплений людей в ограниченном физическом пространстве. И здесь первостепенное значение имеют

различия в позиционной войне на Западном и Восточном фронте. На Западном фронте позиционная война описывается как нескончаемая череда окопов: Пол Фассел отмечает, что общая протяженность окопов с обеих сторон была около 25 000 миль, иронично замечая, что «этими окопами можно опоясать Землю» [Фассел, с. 65]. В отличие от Западного фронта, особенностью Русского фронта было более подвижное соотношение позиционной и маневренной войны. Адам Туз подметил, что если «из окопов Западного фронта Великая война могла показаться позиционной», то на Русском фронте «линия фронта постоянно менялась» [Туз, с. 59]. Русская армия находилась в постоянном движении с востока на запад и обратно, сдвигая позиции или переходя в наступление / отступление, что создавало существенно иные отношения с окружающей средой, чем на стабильном Западном фронте. Конечно, с осени 1915 г. Восточный фронт относительно стабилизировался, однако и в 1916, и особенно в 1917 г. его линия была более подвижна, чем на Западе.

Какое воздействие эта «подвижная позиционная война», если ее можно так называть, имела на окружающую среду? Прежде всего, она усиливала опустошающее воздействие, которое оказывали движущиеся армии: в то время как налаженный быт позиционной войны на Западном фронте предполагал относительно устойчивую логистику доставки продовольствия и припасов, то неустойчивый быт российских солдат, особенно в период «Великого отступления» 1915 г. и наступательных операций 1916 и 1917 гг., а затем и демобилизации 1918 г. выталкивал русских солдат из окопов, усиливал их взаимодействие с местностью и разрушал логистику. Часто это взаимодействие проявлялось в слабо контролируемых военными властями так называемых «реквизициях» у местного населения продуктов и разнообразных предметов (от древесины для окопов или корма для лошадей до бытовых принадлежностей), самовольном сборе урожая, вырубке окрестных лесов во время стоянок [РГВИА, ф. 2068, оп. 1, д. 100, л. 5, 10, 23, 26, 31].

Рассматривая демобилизацию Русского фронта как еще один цикл этого маятника «наступление — отступление», мы можем увидеть традиционно хорошо исследованные в историографии проблемы демобилизации (нехватка продовольствия, отсутствие транспорта, падеж скота, поджоги усадеб, потравы полей и пр.) не как уникальное явление конца 1917 — начала 1918 г., а как повторяющиеся процессы, вектор которых теперь от врага внешнего обратился на врага внутреннего, только на этот раз — классового врага или внутрикорпоративного [Ганин, с. 25].

Эластичность Русского фронта вносила в практики взаимодействия с окружающей средой больший хаос в годы войны, однако она же, по всей вероятности, способствовала тому, что совокупный военный ущерб был не глубже, а шире, чем на Западном фронте. На Русском фронте меньше полей пострадало от газовых атак, меньше территории обращено в токсичные болота, но из-за многочисленности русской армии выше была антропогенная нагрузка: больше захоронений, большеtrupов лошадей, большая скученность людей (по оценкам, на 1 сентября

1917 г. было мобилизовано 15 793 тыс. человек [Российская революция..., с. 206]), больше загрязненность территории, больше инфекционных заболеваний, большой ущерб дорогам (поля вытоптаны, дороги разбиты, железные дороги перегружены). К примеру, российские военные эксперты после войны высоко оценивали «масштаб и планомерность» гидротехнических работ «во всех западных армиях» и противопоставляли им «случайность, несогласованность» и «полную неподготовленность на русском фронте» [Ушаков, с. 196].

Еще одним фактором демобилизации русской армии являлся ее масштаб. Оценивая его, руководство санитарной службой Западного фронта в конце января 1918 г. полагало, что «через фронт пройдет в течение короткого времени свыше 10 млн военнопленных и беженцев» [РГВИА, ф. 2106, оп. 7, д. 65, л. 5]. Важным фактором в понимании объема проблемы, которую должна была решать демобилизация военного имущества, являлось количество вооружения на Русском фронте. Адам Туз отмечает, что в начале лета 1917 г., «благодаря внутренней мобилизации... и избыточным поставкам союзников русская армия была оснащена лучше, чем когда-либо за все время войны» [Туз, с. 118]. Рассмотрим далее, какие механизмы демобилизации создавались на Русском фронте.

2. Институты демобилизации русской армии

Представляется целесообразным выделить в процессе демобилизации русской армии три этапа:

1) май — октябрь 1917 г. — период теоретических дискуссий, выработки принципов демобилизации в соответствии с прежними нормами и структурой бывшей Русской императорской армии и в соответствии с международными соглашениями; секретный, локальный, централизованный процесс, запущенный по инициативе Генштаба и не распространявшийся за пределы Штабов армий и узкого круга руководителей общественных организаций; неудавшаяся частичная демобилизация солдат призывов 1897–1898 гг. в сентябре-октябре и «Программа мероприятий по поднятию боеспособности армии к весне 1918 г.» Н. Н. Духонина и М. К. Дитерихса [Городецкий, с. 232; ГАРФ, ф. 5827, оп. 1, д. 27, л. 1–7];

2) ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г. — период децентрализации процесса демобилизации, частичной демобилизации: хаотичной подготовки к демобилизации на местах при параллельной и весьма значительной самодемобилизации солдатских масс, начало массовых перемещений армии; процесс открытый, дискуссионный, оформлявшийся на масштабных армейских съездах, но отличавшийся на разных фронтах (особенно на Северном фронте, где была сильнее демократизация управления);

3) март — май 1918 г. — общая демобилизация при выходе России из войны, но осложненная конфликтами с румынами на Румынском фронте, украинцами на Юго-Западном фронте, поляками на Западном фронте. Сопровождалась острым логистическим кризисом и проблемой сохранности военного имущества при отсутствии его охраны.

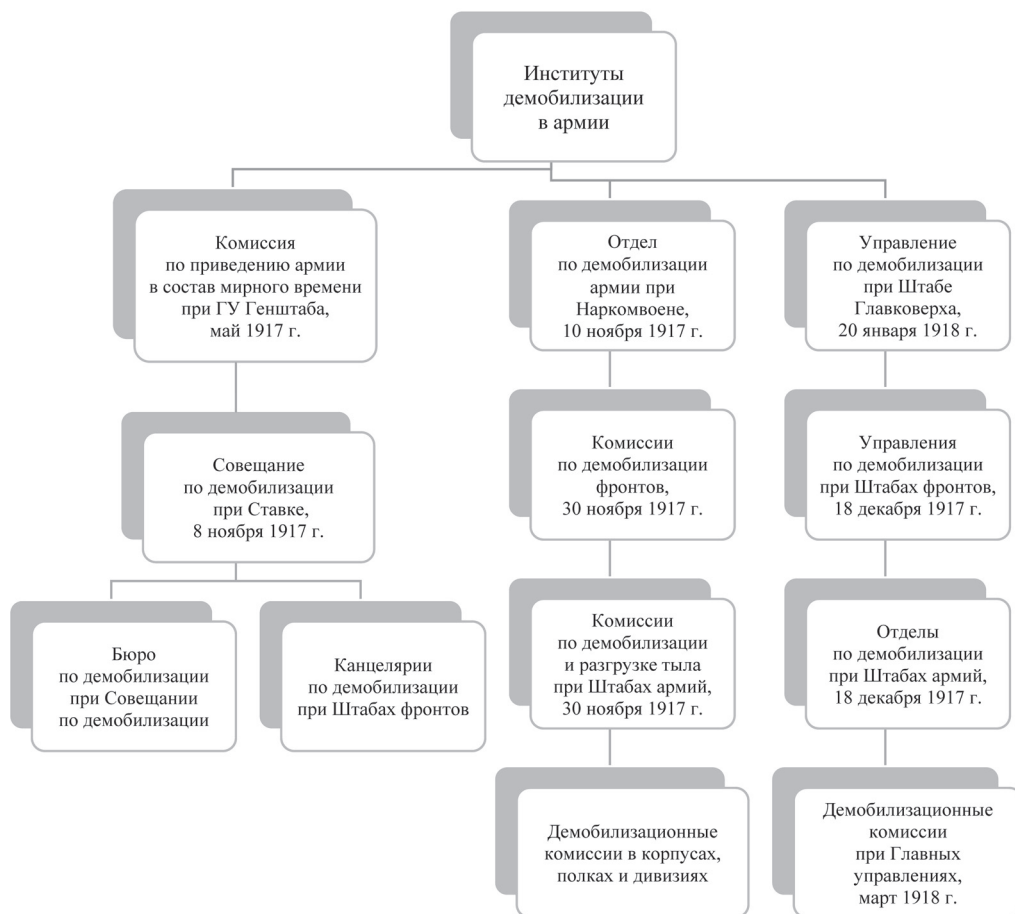
Ключевым принципом этого понимания демобилизации была трехчленная формула, которую для удобства можно представить «пирамидой приоритетов», на вершине которой — люди, в центре — животные, внизу — имущество. «В первую очередь перевозятся люди, во вторую — лошади для передачи населению и в тыл, в третью — небольшими частями ценное имущество, если останутся вагоны для этой цели» [РГВИА, ф. 2106, оп. 7, д. 65, л. 83]. Различали неисправное имущество, которое подлежало сдаче в склады на театре военных действий и исправное имущество, подлежащее перевозке с частями в пункты их квартирования в мирное время [РГВИА, ф. 2106, оп. 7, д. 69, л. 19].

Серьезным препятствием в проведении демобилизации армии стало отсутствие ее реалистического плана. Отчет одной из армейских демобилизационных комиссий, составленный, вероятно, в конце декабря 1917 г., демонстрирует отчаянное состояние ее членов: «Мы почувствовали, что нам не хватает самого главного: инструкций, указаний, плана демобилизации» [РГВИА, ф. 2106, оп. 7, д. 67, л. 23 об.]. Обнаруженный в архиве Штаба фронта через неделю после создания Комиссии секретный план демобилизации лишь усугубил это положение: стало ясно, что привести его в жизнь «можно было только при железной дисциплине в войсках, при полной исправности тыловых учреждений и железных дорог, а не при современной обстановке дела» [Там же, л. 24]. Демобилизации не обучали, планы ее держались в строжайшем секрете и не подлежали оглашению, дабы не вызвать паники или напрасных ожиданий, а демократизация армейского руководства серьезно понизила осведомленность в тонкостях военной науки. Точно восстановить структуру учреждений, определявших демобилизацию, а также занимавшихся ею, представляется сложной задачей.

На схеме ниже предпринята попытка упорядочить механизм демобилизации, сложность которого визуализирует один из важнейших ее недостатков — хаотичность и неорганизованность. Из схемы видно, что демобилизация поручалась не только военным органам, но и гражданским (такая практика, впрочем, применялась российской армией и в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.) [Айрапетов, с. 381]. Военные институты демобилизации распределялись между Ставкой и последовательно штабами фронтов, армий, корпусов, полков и дивизий, а также революционными органами в армиях (после большевистского переворота) и военными округами. Кроме того, на Юго-Западном фронте появилась альтернативная российской Комиссия по демобилизации при Военном министерстве Украинской народной республики. Отдельно создавались гражданские (губернские и уездные) комиссии по демобилизации, работа которых должна была согласовываться с военными [РГВИА, ф. 2081, оп. 1, д. 2, л. 47, 77] (см. рисунок).

Первым центральным институтом демобилизации стала Комиссия по приведению армии в состав мирного времени, созданная при Главном Управлении Генерального Штаба в мае 1917 г. под председательством генерал-лейтенанта С. Л. Маркова. Пытаясь ускорить принятие решений по демобилизации, Ставка 8 ноября 1917 г. учредила Совещание по демобилизации под председательством

Г. Д. Гутора, при котором было создано Бюро по демобилизации во главе с генерал-майором Г. М. Загю. Кроме того, для приведения в исполнение постановлений Комиссии и Совещания и объединения их деятельности были учреждены Канцелярии по демобилизации при Штабах фронтов [РГВИА, ф. 2068, оп. 1, д. 202, л. 21 об.].

Институты демобилизации в русской армии в 1917–1918 гг.
Demobilization institutions in the Russian Army in 1917–1918

Далее на эту структуру накладывается децентрализация аппарата управления демобилизацией: 10 ноября 1917 г. В. И. Лениным был подписан декрет о постепенной демобилизации армии и при Народном комиссариате по военным делам был создан Отдел по демобилизации армии во главе с большевиком М. С. Кедровым [Городецкий, с. 233]. Затем новая, большевистская, Ставка 30 ноября 1917 г. распорядилась образовать в армиях Комиссии по демобилизации и разгрузке

тыла [РГВИА, ф. 2106, оп. 7, д. 67, л. 24], которые были распространены на все армейские части, усилив хаотичность демобилизации.

Наконец, 18 декабря 1917 г. новый Верховный Главнокомандующий Н. В. Крыленко вновь попытался упорядочить процесс путем создания в Штабах армий Отделов по демобилизации, а при Штабах фронтов и Штабе Верховного Главнокомандующего — Управления по демобилизации [Там же, л. 1а], которое с января 1918 г. стало центральным координирующим органом. Советское правительство было скорее озабочено вопросами урегулирования экономических конфликтов, чем проблемой сохранности имущества [РГВА, ф. 47, оп. 1, д. 564, л. 192].

В целом, к маю 1918 г. демобилизацию можно было считать совершившейся, индикатором чего стало, например, расформирование Комиссии по демобилизации Юго-Западного фронта [РГВИА, ф. 2081, оп. 1, д. 4, л. 45]. Однако начавшееся после выступления Чехословацкого корпуса открытое противостояние в Гражданской войне повернуло завершение процесса демобилизации вспять. В июне 1918 г. Демобилизационная комиссия Главного Интендантского управления была преобразована в Главное хозяйственное управление, задачей которого стало обеспечение имуществом Красной армии в условиях Гражданской войны.

3. Практики демобилизации и демилитаризации

Одной из важнейших особенностей демобилизации русской армии стала мощная волна самовольной демобилизации, или самодемобилизации, которая в нормативных условиях должна была бы классифицироваться как дезертирство. Стремительное сокращение солдат в частях остро поставило вопрос о том, как обеспечить сохранность и транспортировку лошадей и имущества. Ключевой проблемой становилось сохранение лояльности армии: офицерство в основном оставалось и обеспечивало порядок демобилизации, пытаясь поддерживать дисциплину в разбегающихся частях, однако функции охраны складов, транспортировки лошадей и грузов лежали преимущественно на солдатах, которых становилось все меньше. Это обстоятельство стало одним из уязвимых мест демобилизации военного имущества [РГВИА, ф. 2106, оп. 7, д. 67, л. 1].

Уже 20 декабря 1917 г. Демобилизационная комиссия I армии пришла к выводу, что «рассчитывать на вывоз имущества расформировываемых и сокращаемых частей и учреждений армий в тыловые склады нельзя» и ввиду этого предлагала немедленно организовать в районе корпусов склады около железнодорожных станций, куда нужно было свезти все излишнее имущество [РГВИА, ф. 2106, оп. 7, д. 65, л. 138]. Многие офицеры, как видно из переписки демобилизационных комиссий, не умели справиться с растущим самоуправством нижних чинов, однако некоторые все-таки смогли организовать погрузку и отправку военного имущества хотя бы на железнодорожные станции. Но обеспечить охрану складов на станциях часто было невозможно, и военное имущество русской императорской армии становилось предметом хищений как со стороны местного населения, так и со стороны других армий и вооруженных формирований. Из-за

отсутствия фуража, начавшегося падежа скота и уменьшения числа солдат уже в декабре 1917 г. было понятно, что фронту «грозит опасность, что некому будет вывезти имущество» [РГВИА, ф. 2106, оп. 7, д. 65, л. 139].

В целом, отправка военного имущества производилась по маршруту, зависшему от местонахождения складов фронта. К примеру, Северный фронт особо ценное инженерное имущество должен был отправить в Псков в первый промежуточный инженерный склад, артиллерийское — в Рыбинск в тыловой артиллерийский склад, а ручное оружие и пулеметы — в Белецк [Там же, л. 24]. Стоит учитывать также климатический фактор: весенняя распутица помешала бы перевозкам по грунтовым дорогам. Командование полагало, что нужно было успеть перевезти имущество и лошадей зимой, однако сделать это до того момента, как будет подписан мир, было невозможно.

Большой проблемой стала перевозка лошадей. В конце января 1918 г. было приказано отправлять казаков с их строевыми лошадьми, предоставляя для перевозки «вагоны с условием прицепки к товарным поездам» [РГВИА, ф. 2106, оп. 7, д. 64, л. 185]. Однако транспортировка лошадей требовала создания специальных условий, особенно в ситуации обострившихся инфекционных заболеваний среди животных: нужно было нанимать ветеринарных фельдшеров, обеспечив им при этом оплату труда [Там же, л. 199]. Средства на это были не у всех частей, да и ветеринарных фельдшеров в условиях демобилизации найти было крайне сложно. Проблемой оставалось также отсутствие фуража, который нужно было обеспечить в дорогу либо договориться о поставках по пути следования состава. Все это делало отправку лошадей зимой 1918 г. практически невозможной. В телеграмме М. Д. Бонч-Бруевича на имя Н. В. Крыленко указывалось, что «...театр военных действий... представляет из себя огромную площадь, покрытую трупами лошадей и брошенным имуществом. Он является очагом разных заболеваний и эпидемий, грозящих мором не только России, но и Европе» [Нагорная, с. 56].

Разумеется, ключевой проблемой при демобилизации военного имущества стало его расхищение, усиливавшееся эскалацией насилия в прифронтовой зоне, особенно среди нижних чинов и даже прапорщиков. «Количество насильственных преступлений с течением войны росло по мере того, как ослабевали модели должного поведения и собственно органы и лица, отвечающие за поддержание порядка» [Санборн, с. 278]. К тому же германская, австро-венгерская и румынская армии рассматривали военное имущество русской армии как «военный трофей» и изымали его. Германская армия, к примеру, отправляла русское трофейное вооружение на Западный фронт, особенно высоко ценились «качественные русские противогазы» и артиллерия, помогавшая «добиться нужного насыщения огневыми средствами атакующих на Западе войск» [Ланник, с. 194, 197]. Румынское, германское и австро-венгерское командование, а также и украинские власти переправляли военное имущество из русских складов в свой тыл либо изымали оружие у населения. Австрийские и германские войска получили оставленные русской армией в городах и на железной дороге «военные запасы,

металлы, порох, снаряды, оружие, колючую проволоку и прочее... в большом количестве хранившиеся в складах тыловой базы Юго-Западного и Румынского фронтов» [Слюсаренко, с. 280]. Не удивительно, что к осени 1918 г. одной из основных проблем германской оккупационной администрации в Прибалтике стала широкомасштабная нелегальная торговля оружием [Ланник, л. 333, 374].

В итоге, демобилизация русской армии, которая должна была привести к демилитаризации значительного пространства бывшего Русского фронта, к лету 1918 г. так и не была завершена. Демилитаризацию на Русском фронте замедляли множество факторов: от организационной, институциональной неразберихи и проблем с транспортом до ремилитаризации в период оккупации прифронтовых территорий германской, австро-венгерской и румынской армиями, а также военными частями, подконтрольными правительствам государств-лимитрофов.

Выводы

Таким образом, пространство фронта было, с одной стороны, местом с разрешенными насильственными действиями, а с другой стороны, «ничьей землей», т. е. местом, выведенным из привычной юрисдикции, легитимизирующим любое обращение с ним (конструктивное и деструктивное) «военной необходимостью». Отсюда то ощущение «вседозволенности», которое демонстрировали на фронте солдаты по отношению к чужой собственности в любых ее формах. О подобных практиках для Западного фронта пишет К. Левин. Соответственно, демилитаризация предполагала возвращение «нормы», восстановление системы ценностей, — процесс, который требовал трансформации сознания и протекал значительно сложнее, чем механическая транспортировка людей и снаряжения с театра военных действий.

Процесс демобилизации российской армии в 1917–1918 гг. не был ни поступательным, ни запланированным. Он растянулся с мая 1917 г., когда при Главном управлении Генерального Штаба была образована первая организационная структура по демобилизации, Комиссия по приведению армии в состав мирного времени, до апреля 1918 г., когда была в целом закончена отправка частей российской армии с линии фронта вглубь страны. За это время в России сменилось два политических режима, существенно трансформировалась западная граница бывшей Российской империи, на которой располагалась значительная часть фронта (отделились Польша и Финляндия, провозгласила независимость Украина), был подписан сепаратный мирный договор и утрачен контроль над частью прежних земель в Балтийском регионе, на Северо-Западе и в Бессарабии.

Разумеется, столь масштабные изменения не могли не сказаться на процессе перемещения людей и военного имущества в условиях демобилизации. Однако еще более они обостряли эпидемиологическую ситуацию, оставляя за собой вдоль дорог тысячи трупов истощенных и оголодавших лошадей, которых

не могла забрать с собой русская армия, траншеи брошенной окровавленной ваты и гниющих внутренностей, которые некому было утилизировать, склады артиллерийского, инженерного и химического имущества, которые армия не успевала вывезти с театра военных действий. Все это создавало угрозу ремилитаризации Русского фронта, которая требует дальнейшего изучения.

Источники

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 27.
РГВА — Российский государственный военный архив. Ф. 47. Оп. 1. Д. 564.
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 69; Ф. 2068. Оп. 1. Д. 100, 202; Ф. 2081. Оп. 1. Д. 2, 4; Ф. 2106. Оп. 7. Д. 64, 65, 67, 69.
Слюсаренко В. А. На Мировой войне, в Добровольческой армии и эмиграции: Воспоминания. 1914–1921. М.: Кучково поле: Беркут, 2016.
Ушаков Н. Роль инженера-гидротехника в военном деле // Военная мысль и революция. 1924. Вып. VI. С. 192–198.

Исследования

- Айрапетов О. Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Алгоритм, 2014.
Базанов С. Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918). М.: Ин-т российской истории РАН, 2003.
Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2017.
Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства, 1917–1918. М.: Наука, 1987.
Кляцкин С. М. К вопросу об использовании русской армии для нужд обороны Советской республики // Военно-исторический журнал. 1961. № 12. С. 24–35.
Краснокутский В. В. Демобилизация русской армии в 1917–1918 гг.: На примере Западного фронта : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 1997.
Ланник Л. В. Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе : дис. ... д-ра ист. наук : 5.6.2. М., 2021.
Левин К. Военный ландшафт // Левин К. Динамическая психология : Избр. тр. / под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой. М.: Смысл, 2001. С. 87–93.
Нагорная О. С. «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: Советская практика репатриации русских военнопленных Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. 15 (116). История. Вып. 24. С. 55–62.
Нагорная О. С., Юлбуинов Я. А. Экологическая история Первой мировой войны на восточном фронте: лакуны историографического ландшафта и исследовательские перспективы // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 2 (53). С. 5–16. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2021-2-5-16>
Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / пер. с нем. А. Антоновский. М.: Логос, 2003.
Оськин М. В. Демобилизация Румынского фронта зимой 1917–1918 г. и судьба русского военного имущества в Молдавии и Бессарабии // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 1. С. 31–49. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49>

Потанов Н. М. Краткая справка о деятельности Народного комиссариата по военным делам в первые месяцы после Октябрьской революции // Исторический архив. 1962. № 1. С. 84–93.

Российская революция 1917 года: власть, общество, культура : в 2 т. / под ред. Ю. А. Петрова. Т. 1. М. : РОССПЭН, 2017.

Санборн Дж. Великая война и деколонизация Российской империи / пер. с англ. О. Побрцовой. СПб. : Библиороссика ; Бостон : Academic Studies Press, 2021.

Смольянинов М. М. Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 г. Минск : Наука и техника, 1981.

Тинченко Я. Панцирні потяги, панцирники та залізничні війська у Визвольній війні 1917–1920 рр. Київ : Темпора, 2012.

Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы / пер. с англ. А. Гуськова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2021.

Фассел П. Великая война и современная память / пер. с англ. А. Глебовской. СПб. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2015.

Balkelis T. Demobilization and Remobilization of German and Lithuanian Paramilitaries after the First World War // Journal of Contemporary History. 2015. Vol. 50(1). P. 38–57. <https://doi.org/10.1177/0022009414551101>

Barry G. Demobilization // 1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War / eds. by U. Daniel, P. Gatrell [et al.], Freie Universität Berlin, Berlin 2018-12-04 URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/demobilization> (date of access: 12.01.2023).

Cabanes B. 1919: Aftermath // The Cambridge History of the First World War / ed. by J. Winter. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2014. Vol. 1. P. 172–197.

Horne J. Demobilizing the Mind: France and the Legacy of the Great War, 1919–1939 // French History and Civilization. 2009. No. 2. P. 101–119.

Imperial Debris: On Ruins and Ruination / ed. by A. L. Stoler. Durham ; London : Duke Univ. Press, 2013.

Keller T. Mobilizing Nature for the First World War. An Introduction // Environmental Histories of the First World War / ed. by R. P. Tucker [et al.]. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2018. P. 1–16.

Saunders N. J. Matter and Memory in the Landscapes of Conflict: The Western Front 1914–1999 // Contested Landscapes: Movement, Exile and Place / ed. by B. Bender, M. Winer. London : Routledge, 2001. P. 37–53.

The Law of Armed Conflict and the Use of Force: The Max Planck Encyclopedia of Public International Law / ed. by F. Lachenmann, R. Wolfrum. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017.

References

Airapetov, O. R. (2014). *Na puti k krakhu. Russko-iaponskaia voina 1904–1905 gg.* [On the Way to Collapse. The Russian-Japanese War of 1904–1905]. Moscow: Algorithm.

Balkelis, T. (2015). Demobilization and Remobilization of German and Lithuanian Paramilitaries after the First World War. *Journal of Contemporary History*, 50(1), 38–57. <https://doi.org/10.1177/0022009414551101>

Barry, G. (2018). Demobilization. In U. Daniel & P. Gatrell (Eds.), *1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War*. Freie Universität Berlin, Berlin 2018-12-04. Retrieved from <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/demobilization>

Bazanov, S. N. (2003). *Bor'ba za vlast' v deistvuiushchei rossiiskoi armii (oktiabr' 1917 – fevral' 1918)* [Struggle for Power in the Active Russian Army (October 1917–February 1918)]. Moscow: IRI RAN.

Cabanes, B. (2014). 1919: Aftermath. In J. Winter (Ed.), *The Cambridge History of the First World War* (Vol. 1, pp. 172–197). Cambridge: Cambridge University Press.

Fussell, P. (2015). *Velikaia voina i sovremennaia pamiat'* [The Great War and Modern Memory] (A. Glebovskaya, Trans.). St Petersburg: European University at St Petersburg.

Ganin, A. V. (2017). *Povsednevnaia zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom* [Everyday Life of the General Staff under Lenin and Trotsky]. Moscow: Kuchkovo pole.

Gorodetsky, E. N. (1987). *Rozhdenie Sovetskogo gosudarstva, 1917–1918* [The Birth of the Soviet State, 1917–1918]. Moscow: Nauka.

Horne, J. (2009). Demobilizing the Mind: France and the Legacy of the Great War, 1919–1939. *French History and Civilization*, 2, 101–119.

Keller, T. (2018). Mobilizing Nature for the First World War. An Introduction. In R. P. Tucker [et al.] (Eds.), *Environmental Histories of the First World War* (pp. 1–16). Cambridge: Cambridge University Press.

Klyatskin, S. M. (1961). K voprosu ob ispol'zovanii russkoi armii dlia nuzhd oborony Sovetskoi respubliki [On the Use of the Russian Army for the Defense of the Soviet Republic]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 12, 24–35.

Krasnokutsky, V. V. (1997). *Demobilizatsiia russkoi armii v 1917–1918 gg.: Na primere Zapadnogo fronta* [Demobilization of the Russian Army in 1917–1918: With Reference to the Western Front] (doctoral dissertation abstract). Moscow.

Lachenmann, F., & Wolfrum, R. (Eds.). (2017). *The Law of Armed Conflict and the Use of Force: The Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Oxford: Oxford University Press.

Lannik, L. V. (2021) *Brestskaia sistema mezhdunarodnykh otnoshenii kak prostranstvo germanskoi gegemonii v Vostochnoi Evrope* [The Brest System of International Relations as a Space of German Hegemony in Eastern Europe] (habilitation dissertation). Moscow.

Lewin, K. (2009). Voennyi landshaft [The Landscape of War]. In K. Lewin, *Dinamicheskaia psikhologiya: izbrannye trudy* [Dynamic Psychology: Selected Writings]. Moscow: Smysl.

Nagornaya, O. S. (2008). “Evakuatsiia v tom vide, v kotorom ona sushchestvuet, gubitel'na dlia voennoplennykh i opasna dlia gosudarstva”: Sovetskaia praktika repatriatsii russkikh voennoplennykh pervoi mirovoi voiny [“Evacuation as it Exists is Pernicious for Prisoners of War and Dangerous for the State”: The Soviet Practice of Repatriation of Russian POWs of World War I]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 15 (116), 55–62.

Nagornaya, O. S., & Golubinov, Ya. A. (2021). Ekologicheskaia istoriia Pervoi mirovoi voiny na vostochnom fronte: lakuny istoriograficheskogo landshafta i issledovatel'skie perspektivy [Environmental History of the First World War on the Eastern Front: Historiographical Landscape Gaps and Research Prospects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*, 2 (53), 5–16. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2021-2-5-16>

Nolte, E. (2003). *Evropeiskaia grazhdanskaia voina (1917–1945). Natsional-sotsializm i bol'shevizm* [The European Civil War (1917–1945). National Socialism and Bolshevism] (A. Antonovsky, Trans.). Moscow: Logos.

Os'kin, M. V. (2019). Demobilizatsiia Rumynskogo fronta zimoi 1917–1918 g. i sud'ba russkogo voennogo imushchestva v Moldavii i Bessarabii [Demobilization of Romanian Front in Winter 1917–1918 and the Fate of Russian Military Property in Moldavia and Bessarabia]. *Vestnik RUDN. Serii: Istorii Rossii*, 18(1), 31–49. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-31-49>

Petrov, Yu. A. (Ed.). (2017). *Rossiiskaia revoliutsiia 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura* [Russian Revolution of 1917: Power, Society, Culture] (Vol. 1). Moscow: ROSSPEN.

Potapov, N. M. (1962). Kratkaia spravka o deiatel'nosti Narodnogo komissariata po voennym delam v pervye mesiatsy posle Oktiabr'skoi revoliutsii [A Brief Overview of the Activities

of the People's Commissariat for Military Affairs in the First Months after the October Revolution]. *Istoricheskii arkhiv*, 1, 84–93.

Sanborn, J. (2021). *Velikaia voina i dekolonizatsiia Rossiiskoi imperii* [Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire] (O. Pobortseva, Trans.). St Petersburg: Bibliorossica; Boston: Academic Studies Press.

Saunders, N. J. (2001). Matter and Memory in the Landscapes of Conflict: The Western Front 1914–1999. In B. Bender, & M. Winer (Eds.), *Contested Landscapes: Movement, Exile and Place* (pp. 37–53). London: Routledge.

Smol'yaninov, M. M. (1981). *Revoliutsionnoe dvizhenie soldatskikh mass na Zapadnom fronte v 1917 g.* [The Revolutionary Movement of the Soldiers' Masses on the Western Front in 1917]. Minsk: Nauka i tekhnika.

Stoler, A. L. (Ed.). (2013). *Imperial Debris: On Ruins and Ruination*. Durham, London: Duke University Press.

Tinchenko, Ia. (2012). *Pantsirni potiagi, pantsirniki ta zaliznichni viis'ka u Vizvol'nii viini 1917–1920 rr.* [Armored Trains, Armored Cars and Railway Troops in the War of Independence in 1917–1920]. Kiiv: Tempora.

Tooze, A. (2021). *Vsemirnyi potop. Velikaia voina i pereustroistvo mirovogo poriadka, 1916–1931 gody* [The Deluge: The Great War, America and the Remaking of the Global Order, 1916–1931] (A. Gus'kov, Trans.). Moscow: Gaidar Institute Press.

Жердева Юлия Александровна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории,
международных отношений
и документоведения
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
443086, Самара, Московское шоссе, 34
E-mail: zherdeva.yua@ssau.ru

Zherdeva, Yulia Aleksandrovna

PhD (History), Associate Professor
Department of General History, International
Relations, and Documentation Science
Samara National Research University
34, Moskovskoe Lane, 443086 Samara, Russia
Email: zherdeva.yua@ssau.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4842-9853>
Scopus AuthorID: 57208394068
WoS ResearcherID: E-7944-2013